

DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-2-143-152

Научная статья

Оскорбление языка как феномен современного билингвального коммуникативного пространства Беларуси

А.А. Лавицкий

Витебский филиал Учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси
Международный университет МИТСО
Республика Беларусь, 210010, Витебск, ул. М. Шагала, д. 8А

Аннотация. В Беларуси, конституционно узаконившей белорусско-русское двуязычие, имеющаяся правовая база в области языковой политики длительное время обеспечивала гражданское согласие в вопросах использования и функционирования обоих государственных языков. Однако в последние годы проявились отдельные негативные явления, связанные со сложившимися особенностями организации коммуникативного взаимодействия. В частности, появился такой вид правонарушения, как оскорбление языка. Для белорусского лингвоправового дискурса это новый феномен, интерес к которому предопределил **цель** предпринятого исследования — изучить феномен оскорбления языка с позиции современной белорусской лингвоправовой экспертологии. **Материалы и методы.** Исследованию подвергнуты материалы дел об административных правонарушениях, сопряженных с нарушением законодательства о языках. Методология работы включала метод параметризации, логико-лингвистический, сравнительно-сопоставительный и лексико-семантический анализы. **Результаты.** В проведенном исследовании внимание было обращено как к теоретическому изучению феномена оскорбления с позиции судебной лингвистической экспертологии, так и практическому анализу конфликтогенных текстов. В отличие от оскорбления личности, где значимыми являются характеристики параметров фактологичности, атрибутированности и ненормативности, признавая наличие факта оскорбления языка, правоприменительная практика отталкивается лишь от параметра атрибутированности, то есть наличия в содержании речевого высказывания лексики, принижающей язык, понижающей его статус. Полученные результаты свидетельствуют об особом отношении белорусской системы права к языку. Во-первых, признание возможности оскорбления языка — это показатель его особого статуса в ряду иных культурных артефактов. Во-вторых, судебная практика проявляет уважение к языку как сверхсущности, стоящей выше категории личности.

Ключевые слова: оскорбление языка, юрислингвистика, лингвоюрисдика, белорусский язык, русский язык, белорусско-русский билингвизм

© Лавицкий А.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 03.12.2020

Дата принятия к печати: 14.03.2021

Модератор: О.А. Валикова

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Лавицкий А.А. Оскорбление языка как феномен современного билингвального коммуникативного пространства Беларуси // Полилингвильность и транскультурные практики. 2021. Т. 18. № 2. С. 143—152. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-2-143-152

Research Article

Insult of the Language as a Phenomenon of the Modern Bilingual Communication Space in Belarus

A.A. Lavitski

Vitebsk Branch of the Federation's of Trade Unions Educational Institution of Belarus
International University «MITSO»
8A, M. Shagall St., Vitebsk, 210010, Belarus

Abstract. In Belarus the Belarusian-Russian bilingualism is legalized constitutionally and the existing language legal framework has a long-standing basis for civil agreement on the use and functioning of both state languages. However, in recent years there have appeared a number of negative phenomena aroused by certain shifts in the structure of the communicative interactions. This refers, in particular, to a recently defined offence of insult of the language. This phenomenon is new to the Belarusian linguistic-legal discourse and the interest in it predetermined **the purpose** of this research, namely, to study the phenomenon of insult of the language from the standpoint of modern Belarusian linguistic legal expertise. **Materials and methods.** The research is based on records of administrative offences that violate the language regulations. The methodological basis comprises the method of parameterization and the logical-linguistic, comparative and lexical-semantic analyzes. **Results.** The research carries out both the theoretical analysis of the phenomenon of insult of the language from the standpoint of linguistic expertise and the practical analysis of conflict-prone texts. Unlike personal insults, where the defining parameters are factfulness, attributiveness and non-normativity, insults of the language are only defined in legal practice by the parameter of attributiveness, i.e. by the presence of words in the remark that derogate the language and demean its status. The obtained results indicate that the Belarusian legislation system treats the language with a special regard. Firstly, acknowledgement of the fact that the language can suffer an insult proves its special role among other cultural artifacts. Secondly, the legal practice demonstrates respect for the language and regards it as a super entity that stands above the category of personality.

Key words: insult of the language, legal linguistics, linguistic legislation, the Belarusian language, the Russian language, the Belarusian-Russian bilingualism

Article history:

Received: 03.12.2020

Accepted: 14.03.2021

Moderator: O.A. Valikova

Conflict of interests: none

For citation:

Lavitski, A.A. 2021. “Insult of the Language as a Phenomenon of the Modern Bilingual Communication Space in Belarus”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 18 (2), 143–152. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-2-143-152

Введение

Вопросы диалектического взаимодействия языка и права стали объектом пристального внимания исследователей в 1980 годах прошлого столетия, создав прочный фундамент формирования нового перспективного направления — юридической (правовой) лингвистики. Научный интерес юрислингвистики включает исследования языка как облигаторного компонента системы функционирования правовой нормы; средства совершения преступного деяния; объекта правового регулирования. Последний аспект позволил оформиться обособленной юрислингвистической подотрасли — лингвоюристике, занимающейся изучением отношения права к языку, то есть юридическими аспектами функционирования языка. Проблемы правового статуса языка также лежат в плоскости исследовательского интереса политической лингвистики. Один из активных конструкторов данного направления Я. Блуммерт писал о том, что политическая лингвистика является не чем иным, как изучением языковой политики [1. С. 48]. Исследованием юридической регламентации и границами действия законов о языке занимается также социолингвистика. Н.Б. Мечковская посвящает этой тематике отдельный раздел, обосновывая необходимость этого тем фактом, что «в многоязычном социуме статус и функции языков должны быть определены законом» [2. С. 120]. Полагаем, что это вполне закономерно, ибо отношение права к языку имеет диффузный характер и обращаться к данной проблематике с позиции различных направлений (лингвоюристики, политической лингвистики, коммуникативной лингвистики, социолингвистики и др.) просто необходимо. Только такой подход позволит интегрировать исследовательские результаты «в единые системы для решения сложных научных и практических задач» [3. С. 7].

Включение данной проблематики в фокус нашего внимания является неслучайным. Дело в том, что с середины 1990 годов правовое регулирование языковой политики в Республике Беларусь, конституционно узаконившей белорусско-русское двуязычие, обеспечивало гражданское согласие в вопросе использования и функционирования обоих государственных языков. Разумный и взвешенный подход белорусских властей, думается, был продиктован пониманием очевидной значимости языка как важнейшей составляющей государственной идеологии. Неслучайно У.М. Бахтикиреева прямо указывает на тот факт, что «непродуманная и неадекватная... языковая политика и языковое планирование подтачивают го-

сударственную систему изнутри подобно ржавеющей шестеренке в механических часах, постепенно подвергающей коррозии всю часовую систему» [4. С. 242]. Даже отсутствие паритета в использовании языков (во всех сферах личностно-бытовых и социально-экономических контактов доминирует русский язык) не вызывало серьезной общественной озабоченности, а мероприятия, направленные на нивелирование тенденции снижения количества этнических белорусов, считающих родным национальный язык, показали на практике свою эффективность (по данным республиканской переписи населения в 1999 году, 85,6% белорусов назвали родным белорусский язык, в 2009 году эта цифра составляла 60,8%, в 2019 году — 61,2%). В то же время в белорусской билингвальной коммуникативной среде в последние годы стали проявляться отдельные негативные явления — пренебрежение языковой толерантностью. Доказательством тому стали прецеденты такого противоправного поведения, как *оскорбление языка*. Для лингвоправового дискурса Беларуси этот феномен является абсолютно новым, хотя ответственность за такое преступление была введена в 1999 году. Кроме того, факт, что с 1993 года правоприменительная практика не сталкивалась с вопросами нарушения законодательства о языке, инициирует проведение широкой дискуссии по осмыслению негативных проявлений в двуязычном коммуникативном пространстве Беларуси.

Цель настоящего исследования — изучить феномен оскорбления языка с позиции современной белорусской лингвоправовой экспертологии.

В качестве фактических данных были использованы материалы дел об административных правонарушениях, сопряженных с нарушением статьи 9.22 Кодекса об административных правонарушениях Республики Беларусь «Нарушения законодательства о языках». Методологическую базу исследовательской работы составили метод параметризации, логико-лингвистический, сравнительно-сопоставительный и лексико-семантический анализ.

Обсуждение

Правовое регулирование законодательства о языках в Республике Беларусь обеспечивается достаточно серьезным объемом нормативных документов: Конституцией (ст. 17 (определение статуса государственных для белорусского и русского языков), ст. 50 (право пользоваться родным языком, выбирать язык общения)), Законом о языках, Законом о национальных меньшинствах, Законом об обращениях граждан и др. Кроме того, страна ратифицировала многие межгосударственные и международные правовые акты (Европейская культурная конвенция, конвенции о борьбе с дискриминацией в области образования, декларации о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам, Европейская хартия региональных языков или языковых меньшинств и др.). Соблюдение юридических норм, закрепленных в законодательстве, фактически же регламентируется Кодексом об административных правонарушениях РБ, ст. 9.22 «Нарушение законодательства о языках» которого влечет наложение штрафа за публичное оскорбление, порочение государственных и других национальных языков, создание препятствий и ограничений в пользо-

вании ими, проповедь вражды на языковой почве. Справедливости ради следует отметить, что белорусское уголовное право также предусматривает наказание за нарушение принципов языковой толерантности, например, ст. 130 «Разжигание расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни, реабилитация нацизма», ст. 190 «Нарушение равноправия граждан». Однако в данном случае язык выступает как предмет правового контроля либо средство реализации противоправного деяния. И только административное законодательство призвано защищать сам язык. Иными словами, с позиции указанной статьи Кодекса об административных правонарушениях он рассматривается как объект юридического регулирования и субъект нормативно-правовых отношений.

С точки зрения теории лингвистики такой подход — очередное доказательство того, что язык представляет собой живой организм. Более того, как субъект правовой системы он очеловечивается, получает характеристики личности, что, например, неприменимо к другим культурным артефактам: памятник архитектуры, например, можно осквернить, над историко-культурной ценностью — надругаться, но только язык можно оскорбить. Кроме того, очевидно, что с позиции права под защитой находится статика культурных символов, совокупность их количественных и качественных характеристик (их нельзя необоснованно изменять, воздействовать на внешний вид и т.д.). Язык в этом смысле исключение, «он имеет особенность развиваться и изменяться с течением времени» [5. С 19], поэтому его параметры не рассматриваются в процессуальной деятельности. В юридическом аспекте значим сам факт наличия объекта, т.е. языка, требующего правовой помощи.

Полагаем, что сказанное является проявлением не столько юридической, сколько политико-идеологической прозорливости белорусского национального законодательства в области вопросов языковой политики. Это, с одной стороны, указание на глубокий уровень уважения к языку, а с другой — показатель его значимости в сфере государственного строительства.

Еще более интересные особенности юридической охраны языка обнаруживаются в процессе анализа процессуально-судебной практики по рассмотрению административных дел об оскорблении языка. Дело в том, что правовая норма определяет оскорбление как «умышленное унижение чести и достоинства личности, выраженное в неприличной форме» (ст. 9.3 Кодекса об административных правонарушениях РБ). С позиции судебной лингвистической экспертологии идентификацию данного вида правонарушения, совершаемого вербальным способом, обеспечивает обязательное наличие в исследуемом тексте трех параметров: умышленности, атрибутированности и ненормативности.

Первый аспект представляется наиболее сложным для экспертного изучения ввиду отсутствия верифицируемой методологии установления признаков умышленности речевого высказывания. В лингвистике принято оперировать понятием интенции, которая напрямую не связана с намерением, ибо намерение — это лишь один из видов интенциональности [6. Р. 37]. Умысел относят к сфере права, где он определяется как одна из форм вины и смягчающее или отягчающее обстоятельство совершения противоправного деяния. Однако очевидно, что данная категория имеет диффузный характер и подверглась терминологическому транс-

феру в исследовательское поле юрислингвистики (о динамике этих процессов писали Н.Д. Голев и Н.О. Матвеева [7. С. 202].), где может определяться как «осознанная субъектом форма реализации намеренности действия, детерминированного мотивом» [8. С. 193]. Несмотря на это, в практике лингвоправовой экспертной работы характеристика умышленности речевого высказывания чаще всего подменяется параметром фактологичности, т.е. установлением признаков субъективности содержания изучаемого речевого акта (поиск соответствующих вербальных маркеров: *думается, приходилось слышать, наверное, видимо* и т.п.).

Описание атрибутированности высказывания ориентировано на его глубокий семантический анализ, призванный обнаружить наличие в содержании лексических единиц, корректирующих «образ лица в худшую сторону за счет понижения статусного положения относительно говорящего» [9. С. 97]. В этом случае специалист обращается к изучению семантических значений, зафиксированных в различных словарных источниках и позволяющих достаточно достоверно установить смысл как всего текста, так и его отдельных лексических элементов.

Последний параметр — ненормативность — также неоднозначно понимается в экспертном сообществе. Чаще всего к ненормативным лексемам относят единицы, имеющие специальные стилистические пометы в словарных источниках (*бран., руг., фам., сниж.* и др.) либо зафиксированные в специализированных изданиях инвективной лексики и матизмов. В.И. Жельвис, в свою очередь, полагает возможным расширить границы значимой для судебной лингвистической экспертологии обцененной лексики, включив в ее состав различного рода проклятия, вербальные проявления богохульства, эвфемизмы, жаргонные выражения, ксенофобские прозвища и клички [10. С. 198—199]. Не вдаваясь в пространные дискуссии относительно верности того или иного подхода, отметим лишь, что последний подход пока не нашел должного, как нам кажется, отражения в лингвоправовой экспертной практике.

Представленный краткий экскурс позволяет далее обратиться к исследованию фактического материала — прецедентным делам по правовому преследованию за оскорбление языка. Первый такой факт был зафиксирован в конце 2016 года. В официальной фан-группе футбольного клуба «Славия» (г. Мозырь) были размещены сообщения о новом рекламном бигборде команды и его фотография. Слоган, опубликованный на бигборде, звучал: «Разам ствараем гісторыю нашага горада!» (Вместе создаем историю нашего города!). Среди комментариев к размещенному посту выделялся следующий: «Почему, почему блин, даже хорошее дело — и все равно через жопу сделали? Зачем тут всрался белорусский язык?» Одного из посетителей страницы футбольного клуба возмутил этот факт, и в личной переписке он потребовал (на белорусском языке) от автора конфликтного текста публично извиниться, а после полученного отказа, мотивированного незнанием белорусского языка, обратился в местный исполком и прокуратуру. Последняя приняла решение возбудить дело об административном правонарушении. Обвиняемый признал вину, раскаялся и выплатил минимальный штраф, предусмотренный ст. 9.22 Кодекса об административных правонарушениях РБ.

Так как лингвистическая экспертиза по описанному делу не назначалась, считаем возможным предпринять попытку смоделировать ее в настоящей статье. Для

лингвоправовой оценки текст поста в социальной сети дадим краткую характеристику указанным выше параметрам, идентифицирующим речевое высказывание как оскорбительное. В первую очередь, доказательства требует наличие фактологичности анализируемого речевого высказывания. На формально-синтаксическом уровне текст представляет собой два вопроса, то есть не является выражением факта. Однако логико-лингвистический анализ вербального акта позволяет выявить в первом предложении два утвердительных тематических блока: 1) сделано хорошее дело; 2) дело сделано плохо («через жопу»). Иными словами, это является риторическим вопросом, имеющим фактологичную основу. Последующее предложение является вопросительным. Исследование второго параметра — атрибутированности — показывает, что в тексте отсутствуют лексические единицы, негативно характеризующие белорусский язык. Данный вывод позволяет не обращаться к дальнейшему выявлению обценной лексики в анализируемом текстовом материале, хотя, очевидно, что слово «жопа» принадлежит к указанному типу слов, но при этом не относится к описанию объекта правовой защиты — белорусскому языку. Исходя из сказанного, можно сделать вывод об отсутствии в прецедентном тексте лингвоправовых признаков совершения преступления, сопряженного с оскорблением.

Следующий пример датируется второй половиной 2019 года. Специалист в области IT опубликовала в социальной сети Facebook пост следующего содержания: «Я знаю 4 (языка — примечание наше. А.Л.), кроме языков программирования. Естественно уродский беляз и не рассматривала для изучения. Намеренно. Свой быдлоязык сами учите». По этому поводу общественные активисты написали обращение в местный исполнительный комитет, который, в свою очередь, перенаправил его в милицию, где и было принято решение о возбуждении дела об административном правонарушении. Судья постановил наложить штраф на нарушителя.

Интересно также и то, что в период процессуально-следственных мероприятий была предпринята попытка организовать кампанию по поддержке обвиняемой. В частности, создана электронная петиция, адресованная управлению внутренних дел. Однако общественного резонанса она не получила, так как была поддержана только 45 пользователями.

Как и при рассмотрении первого примера, обратимся к краткому экспертному анализу прецедентного текста (в процессе следственных и судебных мероприятий специальная экспертиза не проводилась). Так, рассматривая фактологичность вербального материала, можно сделать вывод об отсутствии в нем маркеров, выражающих субъективность. Об этом свидетельствует и анализ текста на синтаксическом и логико-лингвистическом уровне (как методологический принцип экспертной работы обоснован в работе А.Н. Баранова [11. С. 32]). При изучении параметра атрибутированности, то есть поиске лексических единиц, несущих негативную семантическую окраску объекта правовой защиты, становится очевидно, что слова *уродский*, *быдло* статусно понижают белорусский язык, умаляя его перед другими. Об этом свидетельствуют зафиксированные в словарях значения данных лексем: *уродский* — общеотрицательный эпитет (плохой, неинтересный), имеющий ярко выраженные недостатки; *быдло* — тупой, безвольный,

покорный насилию, низкой духовной культуры. Однако только вторую лексику можно отнести к ненормативным. Это доказывается наличием соответствующих стилистических помет в разных лексикографических источниках: *бран.* (Словарь Ушакова), *прост. презр.* (Словарь Ожегова). Таким образом, можно заключить, что приведенный пример конфликтогенного текста с позиции судебной экспертологии несомненно можно отнести к проявлению вербального оскорбления языка.

Приведем еще несколько примеров, квалифицированных белорусской судебной системой как оскорбление языка.

Жительница провинциального г. Речица опубликовала на странице местного новостного паблика пост следующего содержания: «Белорусский язык неприятен на слух. Да и вообще, белор. язык — это нелепое ассорти из русского и польского». С позиции лингвоправовой экспертологии указанное сообщение очевидно не соответствует параметру ненормативности. Оно является фактологичным, имеет в своем содержании лексику, негативно характеризующую белорусский язык. За публикацию поста «Белорусский язык — это разлагающий и загнивающий труп, который уже давно порабы закопать поглубже!» (орфография и пунктуация сохранены — *А.Л.*) на этой же информационной площадке был оштрафован бывший сотрудник органов правопорядка. При этом, как и в предыдущем примере, текст сообщения не отвечает критерию ненормативности. Последний из приведенных примеров рассматривался судом с привлечением мнения эксперта, в качестве которого выступил известный белорусский специалист профессор В.И. Коваль. В целом результаты исследования соответствуют сделанным нами выводам о фактологичности высказывания и соблюдении параметра атрибутированности. Вопрос о наличии в речевом акте неприличной формы перед экспертом не ставился.

Заключение

Прецедентные для Беларуси случаи судебных разбирательств, предметом рассмотрения которых были публичные оскорбления белорусского языка, показывают, что в отличие от оскорбления личности, где обязательными признаками являются наличие умысла, негативной характеристики объекта описания и использование при этом обценной лексики, положительные судебные решения по делам об оскорблении языка выносятся только на основании соответствия конфликтогенного текстового материала параметру атрибутированности. Данный факт не следует понимать как доказательство совершения судебных ошибок. Дело в том, что примененная параметрическая модель используется при рассмотрении дел об оскорблении личности. Судебная практика же демонстрирует иной подход в отношении языка. Полагаем, это показатель высочайшего уровня уважения к языку, признания его сверхсущности, стоящей выше категории личности. Придание белорусской судебной системой особого статуса языку — это идеологическая доминанта государственной политики и проявление ее дальновидности в вопросах языкового планирования.

Список литературы

1. *Blommaert J.* Language and politics, language politics, political linguistics // *Belgian journal of linguistics*. 1997. № 11. P. 45–67.
2. *Мечковская Н.Б.* Социальная лингвистика: пособие для студентов гуманитар. вузов и учащихся лицеев. М.: Аспект Пресс, 2000.
3. *Маслова В.А.* Современная лингвистика — наука о человеке, его сознании, языке и культуре // *Гуманитарный вектор*. 2018. № 13 (1). С. 6–11.
4. *Бахтикиреева У.М.* К вопросу о роли языка в национальных конфликтах // *Языковая политика и языковые конфликты в современном мире: Международ. конф. (Москва, 16–19 сентября 2014) / отв. ред. А.Н. Биткеева, В.Ю. Михальченко; Институт языкознания РАН, Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям. М.: Институт языкознания РАН, 2014. С. 241–245.*
5. *Джусупов Н.М.* Активные стилистически релевантные процессы как результат выдвигения языковых девиаций (на материале английского и русского языков) // *Вестник РУДН: Вопросы образования: языки и специальность*. 2016. № 1. С. 19–27.
6. *Searl J.R.* *Mind, Language and Society (Philosophy in the Real World)*. N.Y.: Basic Books, 1998.
7. *Голев Н.Д., Матвеева О.Н.* Лингвистическая экспертиза: на стыке языка и права // *Юрислингвистика-7: язык как феномен правовой культуры / под. ред. Н.Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2006.*
8. *Маслова В.А., Лавицкий А.А.* Власть политическая и судебная: трансфер идей и терминов // *Политическая лингвистика*. 2019. № 6. С. 189–196.
9. *Осадчий М.* *Русский язык в судебном процессе*. М.: ЛЕНАНД, 2020.
10. *Жельвис В.И.* Слово и дело: юридический аспект сквернословия // *Юрислингвистика-2. Русский язык в его естественном и юридическом бытии / под. ред. Н.Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та. 2000. С. 194–206.*
11. *Баранов А.Н.* *Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика : учеб. пособие. М.: Флинта : Наука, 2012.*

References

1. Blommaert, J. 1997. “Language and Politics, Language Politics, Political Linguistics”. *Belgian journal of linguistics* 11: 45–67. Print.
2. Mechkovskaja, N.B. 2000. *Social'naja lingvistika: posobie dlja studentov gumanit. vuzov i uchashhihsja liceev*. Moscow: Aspekt Press. Print. (In Russ.)
3. Maslova, V.A. 2018. “Sovremennaja lingvistika — nauka o cheloveke, ego soznanii, jazyke i kul'ture”. *Gumanitarnyj vector* 13(1): 6–11. Print. (In Russ.)
4. Bahtikireeva, U.M. 2014. “K voprosu o roli jazyka v nacional'nyh konfliktah”. In *Jazykovaja politika i jazykovye konflikty v sovremennom mire* Proceedings (Moscow, September, 16–19, 2014). Eds. A.N. Bitkeeva, V.Ju. Mihal'chenko. Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. Pp. 241–245. Print. (In Russ.)
5. Dzhusupov, N.M. 2016. “Active Stylistically Relevant Processes as a Result of Foregrounding of Linguistic Deviations (Using the Materials of English and Russian)”. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series Language and Education: Languages and Speciality* 1:19–27. Print. (In Russ.)
6. Searl, J.R. 1998. *Mind, Language and Society (Philosophy in the Real World)*. NY: Basic Books. Print.
7. Golev, N.D., and O.N. Matveeva. 2006. “Lingvisticheskaja jekspertiza: na styke jazyka i prava”. In *Jurislingvistika-7: jazyk kak fenomen pravovoj kul'tury*. Edited by N.D. Goleva. Barnaul: Izd-vo Altajskogo un-ta. Pp. 189–196. Print. (In Russ.)
8. Maslova, V.A., and A.A. Lavickij. 2019. “Vlast' politicheskaja i sudebnaja: transfer idej i terminov”. *Politicheskaja lingvistika* 6: 189–196. Print. (In Russ.)
9. Osadchij, M. 2020. *Russkij jazyk v sudebnom processe*. Moscow: LENAND. Print. (In Russ.)

10. Zhel'vis, V.I. 2000. "Slovo i delo: juridicheskiy aspekt skvernoslovija". In *Jurislingvistika-2. Russkiy jazyk v ego estestvennom i juridicheskom bytii*. Edited by N.D. Goleva. Barnaul: Izd-vo Altajskogo un-ta. Pp. 194—206. Print. (In Russ.)
11. Baranov, A.N. 2012. *Lingvisticheskaja jekspertiza teksta: teorija i praktika*. Moscow: Flinta; Nauka. Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Лавицкий Антон Алексеевич — кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков и межкультурных коммуникаций гуманитарного факультета Витебского филиала Учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО». E-mail: anton_lavitski@mail.ru

Bio Note:

Anton A. Lavitski is a PhD., Head of the Chair of the Foreign Languages and Cross-Cultural Communication, Humanities Faculty, Vitebsk Branch of the Federation's of Trade Unions Educational Institution of Belarus International University "MITSO". E-mail: anton_lavitski@mail.ru